

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

ПЕСНЯ, ЗОВУЩАЯ НА ПОДВИГ

Штрихи к портрету Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий СССР, народного артиста СССР генерал-майора Бориса Александрова

ФРОНТ ЗАТИХАЛ к ночи. В землянку доносилось только глухое, тревожное гремящее. Над столом склонился человек. Колеблущееся пламя «наюши» выхватывало то округлость щени, то майорский погон, то пальцы, пробагающие по шероховатой столешнице, как по невидимой клавиатуре. Майор потянулся к полевой сумке, вытащил карандаш, линованный в пять линеек блокнот, вывел завиток скрипичного ключа и привычной скорописью принялся набрасывать нотные знаки, чуть слышно напевая при этом: «Лейся, песня боевая, на родной солдатский лад, как гвардейская Седьмая!»

А где-то далеко пылали театральные лампы. Шла «Свадьба в Малиновке», и тот же мальчишка всласть хохотал над проделками Яшки-артиллера, над беспотомным Попандупом и прятал слезы на щемяще-красивой мелодии: «Как дивчина провожала друга-партизана»...

Кто бы мог поверить тогда, что дороги двух людей, так разнородных возрастом и состоянием, когда-нибудь пересекутся, и точкой их пересечения станет кабинет начальника «художественного руководителя» Краснознаменного ансамбля: однажды, не веря своей удаче, я вдруг услышу — «А переходите-ка вы на работу к нам, есть должностная заведующего репертуарной частью». И в течение многих лет под пальмою могу наблюдать таинство творческого процесса — таинство, не видимое ни зрителям, ни критике, ведь перед их глазами предстает лишь его конечный результат: концерт.

АНСАМБЛЬ был тогда на гастролях в Египте. За рубежом я попал впервые, поначалу экзотика захлестнула, но скоро затосковал по хмурому апрельскому небу, мелкому дождичку, смывающему с парковых дорожек островки тающего снега... Александров это заметил:

— Ну что, загрустил? Не смущайся, все мы дни до дома считаем...

— Ты же знаешь, — продолжал Борис Александрович, — меня из окна Москва-река, Кремль — как на ладони. Утром солнце купола вызолатит, реку малиновым светом вышьет... Красота-то какая! Пальмо Мусоргский! Ничего выдумывать не надо, родная земля все тебе сама расскажет, ты только голос ее слушать умеешь, связи с ней не теряй.

Отец мой, Александр Васильевич, в Петербург, как говорится, в лаптях пришел из рязанской деревеньки Плахино. Профессор, генерал — всего этого он уже при Советской власти достиг. А что он больше всего на свете любил? Народную песню. Бывало, на даче под Москвой вечером выйдет — а с полдней песня летит. Он замрет, слушает — и глаза у него светятся. Скажет: вот поют так поют. Чистая как интонация! Народ — била!..

Одно слово — Родина. От нее и жизнь наша, и музыка, и все-все...

Я вспоминаю этот разговор, когда в Зале имени Чайковского звучала кантата Б. Александрова «Тебе присягаем, Отчизна!». Один из ее эпизодов живописует рассвет над Москвою — широко, радостно и нежно. Высоко влетал голос Евгения Беляева, мощно звучал хор ансамбля, перекликались с ним чистые дисканты и альты детского хора. И Александров тепло улыбался им, взмывая дирижерской палочкой.

ДРУГОЙ РАЗГОВОР тоже связан с работой над этой кантатой. Ансамбль вы-

И все это время хотелось постичь причины удивительной жизнестойкости того, что делает Б. Александров, будь то его собственное сочинение, будь то транскрипции произведений, написанных другими. Десятилетиями они не теряют блеска, свежести, всякий раз оборачиваясь все новыми гранями. Чье сердце не дрогнет, услышав: «Шли солдаты, шли солдаты защищать свою страну...» или «Над Москвою чудесной, над любимой землей лейся, радость песни о нашей стране молодой...»?

Впрямую говорить об этом с Александровым бесполезно — только отмахнется. Но бывало, что в каких-то неординарных обстоятельствах он вдруг «приоткрывался», пополняя мои дневники. Вот кое-что из этих записей, не претендующих, конечно, на открытие, но, может, слегка «приподнимающих занавес», я и хочу предложить читателям сегодня, в день 80-летия Бориса Александровича.

Ехал в войска Белорусского военного округа. В одной из частей мы застали торжество по принятию военной присяги. Четкий строй солдат, проникновенные слова клятвы на верность Отечеству, трепет распахнутого знаменного шелка не могли не взволновать душу художника.

— Вот о чем писать-то надо! — назидательно сказал Борис Александрович, ни к кому, собственно, не обращаясь. Может — самому себе?

Эта картина стала первым эпизодом и тематическим стержнем кантаты. Хор начинал откуда-то издали, глубоким пианиссимо, постепенно поднимая звучание до громового форте. И долго под сводами зала гремело выдохнутое сотней голосов: Клянемся!

А там, в части, Александров долго еще не мог «остыть»:

— Какое торжество! А когда замыкающая рота с песней шла? Поют чисто, стройно, с душой, — почти повторил он отцовскую фразу. — Наш солдат нестар с песней ложится, с песней встает.

Я в первый раз, знаешь, как солдатскую песню услышал? В Твери, мальчишкой. Купаться мы пошли, а на том берегу — казармы. Солдаты грянули «Вдоль да по речке» — у меня и дух захватило: вольно, забористо, с таким вкусом! Так и осталось в памяти как эталон.

Вот говорят обо мне: Александров — армейский композитор. Ну что значит — армейский, рабочий, колхозный?.. Ведь у меня есть и «несармейские» вещи: концерты — для трубы с оркестром, фортепианный, «Русская фантазия», оперетты, тот же балет «Левша». Дело в другом: каждому сердцу ближе всего что-то свое.

А что музыка, песня — тоже оружие могучее — я во время войны убедился. Особенно у мотострелков 7-й гвардейской Сталинградской бригады. Тогда, в сорок третьем, с нами в поездке был поэт Осип

Колычев. Написал он стихи, я закрылся в штабной землянке — и перед концертом группа уже разучила новую песню, «как гвардейская Седьмая защищала Сталинград». Представляешь: солдаты тут же стали вторить хору, подхватывали ее — и потом уже запевали в строю. Шли в бой, на передовую — с песней. Там, на фронте, меня приняли в партию...

Борис Александрович умолк, ушел в себя. Заморосил дождь, я потянул его под крышу, а он вдруг рассмеялся:

— Вспомнил Дальний Восток!

Выступление то было своеобразным. Таяжная поляна. Зрителя — прямо с марша, а потом снова — марш и удар с ходу по укрепленной обороне «противника». Борис Александрович спросил командира, стоит ли давать концерт, может, людям лучше отдохнуть? Тот заволновался: «Да что вы, всю дорогу только о концерте и разговоров было!»

И надо же — как только Александров поднял палочку, хлестнул ливнем. Но солдаты не расходились, будто не замечали. Я глядел, как в руках мундира дирижера скапливалась вода — и при резком взмахе выплескивалась на ближайшего музыканта, и, честное слово, не мог удержаться от смеха. А закончился концерт — и дождь перестал.

— Я ведь встретил потом того командира, — сказал Александров. — Спасибо, говорит, вы нам такой боевой настрой создали, что задачу мы выполнили на отлично. Так что считайте, хоть в учебном бою, но вы с нами тоже сражались!

Сражались... Многие даже и не догадываются, в какой обстановке часто приходится действовать художественному руководителю ансамбля: в идеологической борьбе не бывает перемирий. Однажды на гастролях в Канаде сразу после исполнения гимна страны пребывания, когда должен был зазвучать Гимн Советского Союза, «случайно» вырубилась вся звуковая и светоаппаратура. В отблесках дежурных ламп было видно, как закаменело суровой маской лицо Александрова. Он подбадривающе кивнул артистам, дал вступление и... Я знал мощь краснознаменцев, но такой звучности и предположить не мог. Дворец спорта, забитый тысячами зрителей, не имеющий ни намека на акустику, буквально гремел. Бой был выигран, и, если бы даже ансамбль не спел больше ничего, александровцы, артисты-солдаты, навсегда остались в памяти потрясенных слушателей.

А ЭТО БЫЛО в конце семьдесят четвертого. В ансамбль пришел поэт Владимир Харитонов, с которым меня связывало старое доброе знакомство.

— Скоро юбилей Победы, — напомнил он. — У меня есть стихи, они могут, по моему, подойти для Краснознаменного.

Стихи начинались словами: «День Победы, как он был от нас далек...» Но некоторые строки смущали меня: «Мрачновато немого, ведь День Победы — это все же праздник...» «Праздник? — возразил поэт-фронтовик. — Ты что, не понимаешь, что это праздник со слезами на глазах?» — и осекся, уловив в своих словах хорошую строчку...

Когда стихи были полностью готовы, показали их Борису Александровичу. Он предложил позвонить Давиду Тухманову:

— Молодой, интересный, думающий композитор. Уверен, он предложит нестандартное решение.

И вот 8 мая, премьера.

— Давид Тухманов, стихи Владимира Харитонов. «День Победы». Солист Эдуард Лабковский. Песня исполняется впервые, — объявил ведущий.

Отзвучал последний аккорд — и на нас обрушилась тишина. Долгая, немая.

И — буря, шквал аплодисментов. Слышал я рассказы о подобных случаях, но сам такое видел впервые!

А ведь сколько было споров, когда Тухманов показал песню в Союзе композиторов! Против нее восставали солидные авторитеты. Но Александров был тверд:

— Настоящая песня!

Как много выпустил он их в большую жизнь из своих дирижерских рук! Арам Ильич Хачатурян говорил: «Принесешь песню, а она попадает как в творческую мясорубку и претерпевает такие изменения, что удивляешься, услышав ее, обновленную, в концерте». Ведущие советские композиторы считали гордостью своей прозвучать в исполнении краснознаменцев.

А к сорокалетию юбилею Победы ансамбль выпустил две специальные программы. Этот концертный сезон стал рекордным по продолжительности: начался 1 августа прошлого года и закончился... вчера. Армейские артисты объехали немало городов страны, побывали в войсках Прикарпатского, Одесского, Московского, Забайкальского военных округов, участвовали в грандиозном песенном празднике в Литве, выступали в ГДР, Чехославии, Испании.

В перерыве между двумя поездками удалось повидаться с Александровым.

— Скоро ваш юбилей, Борис Александрович!

— Подвожу кое-какие итоги, — улыбнулся он и показал мне свою книжку «Песня зовет», вышедшую в «Молодой гвардии». Раскрыл где-то в конце и прочитал:

— Мы видели северное сияние, находили за Полярным кругом, окунали руки в студеные волны Байкала, прощаясь знаменитым Баргузинским трактом, опускались вместе с рабочими в уральские рудники, шахты Кузбасса, видели плавку в доменных Магнитогорска, оставили автографы на памятных костыле, вложенном в железнодорожное полотно БАМа, встречали рассвет на Сахалине, провожали солнце у наших западных границ. Кушка — на дальнем южном рубеже, Курилы — на восточном, легендарная Брестская крепость — на западном, Чукотка — на северном слышали песня дважды Краснознаменного ансамбля.

Александр Васильевич Александров всегда говорил, что армия сделала его композитором, дирижером, музыкальным и общественным деятелем. Могу сказать, как и отец, что армия воспитала и меня как композитора, сделала дирижером, музыкантом и общественным деятелем. Я благодарен Родине, Советскому правительству и Коммунистической партии за то внимание, которое проявляется к нашему творчеству.

Закрыв книжку, посмотрел привычным — теплым, с долей лукавинки взглядом:

— Юбилей, говоришь, восьмидесятилетие? Юбилей — это праздник. А жизнь продолжается. Жизнь — это работа, творчество, новые песни, новые гастроли. Сколько еще сделать предстоит!

Жизнь — это работа. Но все же — хорошо, что в ней бывают и праздники! Так что — с праздником вас, Борис Александрович, с награждением орденом Октябрьской Революции! С нашим общим праздником — праздником всех, кто любит хорошую песню, захватывающую пляску, красивую, звонкую, зовущую вперед музыку.

Э. МИХАЙЛОВ.